

Научная статья
УДК 34.01
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-39-46>

Теоретические аспекты понятия законодательных пробелов

Горбачева Светлана Вячеславовна

Нижегородский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, s.gorbacheva@niu.ranepa.ru

Аннотация. В современной России пробельность правового регулирования можно назвать явлением постоянным, чему сопутствует постоянное развитие технологий и связанное с ним появление новых сфер общественных отношений. Также нельзя не признать трансформацию многих общественных отношений, в то время как правовая регламентация их осталась традиционной. Несомненно, серьезнейшее влияние на ряд сфер оказала и пандемия коронавирусной инфекции, вызвавшая необходимость осуществления правового регулирования. Определенно, данная тема никогда не потеряет актуальности, поскольку в научно-правовой литературе признана неизбежность существования пробелов в праве, обусловленная невозможностью создания совершенного права, с абсолютной полнотой регламентирующего все подлежащие правовому регулированию общественные отношения, особенно в условиях постоянного развития объективной действительности.

В исследовании с точки зрения теории проанализированы, обобщены и приведены различные позиции ученых по вопросу о соотношении понятий «пробел в праве» и «пробел в законодательстве»; «дефект в праве» и «пробел в праве»; «пробел в законе» и «пробел в праве». Рассмотрена классификация пробелов в праве по различным основаниям, особое внимание уделяется изучению причин их возникновения. В заключении автор подчеркивает, что в юридической доктрине отсутствует единый подход к понятию пробела в праве, законодательному пробелу или иным категориям, фигурирующим в научно-правовой литературе как синонимичные.

Ключевые слова: пробел, законодательство, право, дефект, норма права, юридическая техника; правовое регулирование

Для цитирования: Горбачева С. В. Теоретические аспекты понятия законодательных пробелов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 39—46. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-39-46>.

Original article

The oretical aspects of the concept of legislative gaps

Svetlana V. Gorbacheva

Nizhny Novgorod branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russian Federation, s.gorbacheva@niu.ranepa.ru

Abstract. In modern Russia, the gaps in legal regulation can be called a permanent phenomenon, which is accompanied by the constant development of technologies and the emergence of new areas of social relations associated with it. It is also impossible not to recognize the transformation of many social relations, while their legal regulation has remained traditional. Undoubtedly, the coronavirus infection pandemic, which necessitated the implementation of legal regulation, had a serious impact on a number of areas. Definitely, this topic will never lose its relevance, since the scientific and legal literature recognizes the inevitability of the existence of gaps in law, due to the impossibility of creating a perfect law, with absolute completeness regulating all social relations subject to legal regulation, especially in conditions of constant development of objective reality.

© Горбачева С. В., 2022

In the study, from the point of view of theory, various positions of scientists on the issue of the relationship between the concepts of "gap in law" and "gap in legislation" are analyzed, summarized and given; "defect in law" and "gap in law"; "gap in the law" and "gap in the law". The classification of gaps in law on various grounds is considered. The author pays special attention to the study of the causes of occurrence in law. In conclusion, the author emphasizes that in the legal doctrine there is no unified approach to the concept of a gap in law, a legislative gap or other categories that appear in the scientific and legal literature as synonymous.

Keywords: gap, legislation, law, defect, rule of law, legal technique; legal regulation

For citation: Gorbacheva S. V. Theoretical aspects of the concept of legislative gaps. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4 (60), pp. 39—46. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-39-46>.

Анализируя поднятую тему в первую очередь необходимо дать определение понятиям «законодательный пробел» или «пробел в праве». В научно-правовой доктрине отсутствует абсолютное единообразие подходов к пониманию данного термина, многие правоведы дают авторские определения, поэтому, думается, уместно указать трактовку общего характера. Итак, в самом общем смысле под пробелом в праве следует понимать отсутствие в отечественном праве нормы, посредством которой государство непосредственно регламентирует определенное общественное отношение, входящее в сферу правового регулирования. Иными словами, возможны ситуации отсутствия норм права, без которых общественные отношения, требующие регламентации, остаются без таковой. Данная негативная ситуация и названа в юридической доктрине пробелом в праве. Несомненно, вопрос борьбы с пробельностью является делом значимым, что доказывает пристальное внимание высших судебных инстанций Российской Федерации к деятельности по выявлению и преодолению пробелов в праве. Несмотря на отсутствие легального толкования пробела в праве, представляется возможным использовать в качестве ориентира определение Конституционного Суда Российской Федерации — ведущего органа судебной системы в деятельности по борьбе с пробельностью, которую суд относит к дефектам нормотворчества. Под пробелом в праве Конституционный Суд Российской Федерации понимает отсутствие правового регулирования общественных отношений, нуждающихся в этом, в условиях обязательности требований защиты конституционных ценностей и реализации конституционных принципов, включая неурегулированность отдельных материальных или же процедурных компонентов в структуре моделируемого нормой правоотношения, либо фактическое отсутствие правового регулирования, что, в конечном итоге, не позволяет обеспечить рациональное и эффективное

нормативное упорядочение соответствующих отношений. Существует ряд подходов к пониманию рассматриваемого термина.

В частности, Е. В. Васьковский, являясь одним из сторонников широкого понимания пробелов в праве, понимает под рассматриваемым термином не только отсутствие нормы права для регулирования какой-либо категории общественных отношений, но и ситуации, при которых норма существует, но обременена разного рода недостатками в виде неполноты или некачественной юридической техники [1, с. 13]. Кроме того, по мнению правоведа, в содержательные рамки понятия «пробел в праве» также входят коллизии в праве, когда несколько норм прямо противоречат друг другу, равно как и ситуации, при которых норма страдает неполнотой.

С. А. Авакьян, напротив, обосновывает противоположную позицию, согласно которой дефект в праве и пробел в праве соотносятся друг с другом, как общее и частное, таким образом, дефект в праве охватывает содержание этого термина — ученые вкладывают в термины дефект и пробел в праве зеркальное содержание [2, с. 4].

Подходя к пробелу в праве с точки зрения общей теории права и правотворческой деятельности, то, по мнению А. В. Азархина, пробел является одним из основных видов юридических ошибок, который связан напрямую с процессом применения законодательной техники, равно как и избыточная нормативность, коллизии и т. д. [3, с. 8]. Таким образом, автор рассматривает пробел в праве в другом аспекте, чем другие ученые, в том числе в контексте взаимосвязи законодательного пробела с коллизией правовых норм. В научно-правовой литературе ученые выделяют позицию, согласно которой следует отделять термин «пробел в праве» от понятия «пробел в законе».

Например, Г. Н. Скворцова является сторонником разделения понятий пробел в праве и

пробел в законе. По ее мнению, исследуемый термин много шире, в то время как «пробел в законе» (отсутствие в законодательстве конкретной нормы) является разновидностью пробела в праве [4, с. 99]. По мнению многих правоведов, первый термин, может обозначать только такую негативную ситуацию, когда норма права, необходимая для урегулирования рассматриваемого общественного отношения, отсутствует и в рассматриваемом законе, и в системе права вообще.

Рассуждая о пробеле в законе, многие ученые считают, что под ним необходимо понимать отсутствие нормы права, созданной для урегулирования конкретных общественных отношений, в конкретно взятом нормативном правовом акте при условии, что в соответствии с предметом регулирования данного нормативного правового акта норма права, в нем отсутствующая, объективно должна была в нем находиться.

Тем не менее следует учитывать, что норма права, которая отсутствует в данном нормативном правовом акте, может присутствовать, например, в другом законе, что, по мнению многих юристов, не позволяет назвать данную ситуацию пробелом в праве, поскольку законодатель, например, специально делает отсылку на другой нормативный правовой акт, что позволяет применять право субсидиарно. Думается, с данной позицией можно согласиться, конкретизировав ее: пробелом в законе можно считать отсутствие нормы, которая должна была в нем содержаться, таким образом, термин «пробел в законе» с данной точки зрения является слишком узким в аспекте содержания. Что касается указанного подхода правоведов, представляется возможным оценить его с критической точки зрения. Несомненно, отсылки на другой нормативный правовой акт часто встречаются в законах, и законодателем активно используется данный прием юридической техники, позволяющий сделать норму более лаконичной. Однако, думается, что указанное положение дел не может называться пробелом, поскольку в самом тексте нормы наличествует указание на используемое в процессе правоприменения правовое регулирование. Примером данному можно считать статью 43 Семейного кодекса Российской Федерации, которая предусматривает возможность одного из супругов расторгнуть брачный договор [5]. В самом Семейном кодексе Российской Федерации отсутствуют основания для изменения или расторжения брачных договоров по решению суда, однако указанная статья содержит в себе отсылку на Гражданский кодекс

Российской Федерации, в котором основания для изменения или расторжения договоров присутствуют.

Говоря о споре при разграничении пробела в праве от пробела в законодательстве, В. В. Лазарев отмечал, что уместнее говорить о пробелах в законодательстве, поскольку законодательство по сути выражает в себе право в силу того, что остальные источники права, кроме нормативных правовых актов, не обладают их юридической силой. Разъясняя свою позицию, В. В. Лазарев считал пробелом в законе пробел в акте, который издан компетентным органом государственной власти, содержащий в себе недостаток в правовом регулировании, с условием, что норму права, содержащую в себе правовую регламентацию, таким образом, разрешающую проблему наличия указанного пробела, можно обнаружить в подзаконном акте [6, с. 55—61]. Кроме того, под данным термином, по мнению ученого, можно понимать и отсутствие нормативного регулирования именно в данном нормативном акте вне зависимости от того, выполняется ли указанный пробел в иных нормативных актах или нет. Таким образом, правовед фактически заменяет термин «пробел в праве» на «пробел в законе», аргументируя это тем, что закон является воплощением права, что лишнее раз доказывает отсутствие в правовой доктрине единообразия. При этом исследователь оперирует термином «пробел в законодательстве», причем законодательство понимается широко, как совокупность всех нормативных правовых актов, которые были приняты компетентными органами.

Следует отметить наличие еще одного терминологического вопроса — в качестве источников права, порой, признают правовые обычаи, что влечет к трансформации исследуемого термина в «пробел в позитивном праве». Указанные терминологические различия, благодаря которым возможно выделение пробела в позитивном праве, когда для регулирования общественных отношений нет не только законов или подзаконных актов, но и обычаев; пробела в нормативном правовом регулировании, при котором общественные отношения не регулируются нормативным правовым актом; пробела в законодательстве, представляющего собой дефицит правового регулирования закона, а также пробела в законе, в свою очередь, обозначающего недостаток регулирования какой-либо области общественных отношений в данном законодательном акте, вносит некоторую ясность. С точки зрения теории данная классификация

хоть и имеет право на существование, тем не менее представляется терминологически перегруженной для ее практического использования на практике, при том, что множество доктринеров в научно-правовой литературе ее не разделяют или используют указанные понятия, вкладывая в них иное содержание, как синонимичные.

Достаточно распространенным в юридической доктрине является подход к рассмотрению пробела в законе и пробела в праве, как частного и общего, но с оговоркой, что пробел в праве, как более широкое понятие, тем не менее, не поглощает понятие пробел в законе, в силу того, что последний не всегда влечет возникновение пробела в праве. Объяснить суть данной позиции можно на примере уголовно-правовой категории «вина», легальное определение которой в законе отсутствует. Тем не менее статьи 25 и 26 Уголовного кодекса Российской Федерации определяют содержание вины через ее формы и признаки форм, как следствие, пробела в законе нет [7]. Однако довольно сложно с уверенностью утверждать о том, что данная ситуация является пробельной.

Таким образом, говоря о различиях пробела в праве и пробела в законе в доктрине знаменитый правовед С. Ф. Кечекьян указывал, что пробел в законе имеет место быть в той ситуации, когда отношения не урегулированы законом до конца, а пробел в праве проявляется, когда регулирования отношений нет вообще [8]. Данная доктринальная позиция представляется в достаточной степени условной в силу того, что понятие пробел в законе используется в научно-правовой литературе нечасто, многие ученые смешивают данные понятия. Кроме того, идея выделения пробела в законе не является бесспорной, поскольку нет единообразного подхода к пониманию закона, что не может не вызвать разночтений и разногласий ученых правоведов, что, в свою очередь, делает неопределенной практику.

Также в научно-правовой доктрине ученые, например А. В. Безруков, выявляют и разделяют понятия правовой пробел, пробел в Конституции Российской Федерации и конституционный пробел. Последний, как считает автор, следует трактовать не иначе, как серьезный дефект всей системы отечественного правового регулирования, отграничивающийся от иных терминов сравнительного ряда своими характеристиками в аспекте содержания, равно как и юридически-ми последствиями [9, с. 61].

Данная позиция представляется в некоторой степени спорной, как минимум потому, что ряд правоведов, например, вообще не согласны с тем, что в Конституции, как специальном акте, закрепляющем основополагающие конституционные принципы, вообще могут быть пробелы. Кроме того, следует учесть, что основной закон государства представляет собой правовой акт так называемого «исходного толкования», который впоследствии может развиваться в ходе интерпретации его положений, на основании чего можно назвать данную концепцию о «беспробельности» основного закона государства аргументированной и не лишенной смысла. В научно-правовой литературе наличествует множество группировок пробелов в праве по самым разным основаниям. Интересным критерием для классификации пробелов в праве является наличие или отсутствие умысла в допущении пробела в праве у субъекта творчества. Поэтому основанию пробелы можно подразделить на умышленные и непреднамеренные. К первым можно отнести вопросы, которые законодатель специально проигнорировал, сняв, таким образом, с себя ответственность, отдавая решение вопроса на откуп органов, применяющих право на практике, а также течению времени. Также к этой категории можно отнести случаи, когда закон содержит указание на практику или, например, обычаи делового оборота — в этой ситуации правоприменитель может конкретизировать абстрактные понятия, используемые в законе. Так или иначе, умышленные пробелы в праве могут допускаться специально, таким образом, данная ситуация представляет собой опасность потенциального совершения преступлений направленности. Все прочие пробелы, соответственно, относятся ко второй категории. Тем не менее, думается, данная классификация не несет в себе большой практической ценности, поскольку не ясно, какова была подлинная мотивация законодателя в конкретном случае.

Рассматривая возможность наличия преднамеренных пробелов, следует провести четкое терминологическое разделение, не всегда наличествующее в современной правовой доктрине, потому как осознанно допущенный законодателем пробел не может считаться пробелом в праве, если есть указание на способ восполнения, например отсылка к другому нормативному правовому акту, в то время как, думается, наличием преднамеренного пробела возможно, в случае, когда законодатель допустил пробел в праве сознательно, руководствуясь, например,

корыстными интересами определенных лиц, что является опасным коррупционным фактором. Также необычным критерием для классификации является степень истинности, в зависимости от которой пробелы в праве можно подразделить на истинные и мнимые, которая предлагается Л. А. Морозовой и поддерживается рядом других ученых [10, с. 33]. Под последними, в соответствии с данной классификацией, следует понимать пробелы, допущенные законодателем сознательно. Данная классификация предлагает разделение пробелов на умышленные и непреднамеренные. При этом некоторые ученые являются яркими противниками данной классификации, считая, что преднамеренных пробелов в законе быть не может, поскольку это противоречит самой природе правового регулирования общественных отношений.

Несколько спорный характер носит классификация пробелов в праве в законодательном смысле и в смысле техническом, где в первую группу входят пробелы в изданном законодательном акте с отсутствующей нормой права, а во вторую — пробелы, обнаруживающиеся на стадии применения права и преодолеваемые судами, поскольку нет четкой границы отнесения пробелов в праве к одному из видов. Е. И. Спектор, например, вкладывает в термин технические пробелы иной смысл — по мнению ученого, под техническими пробелами следуют понимать пробелы, появляющиеся вследствие технического несовершенства нормы права, то есть в случаях, когда законодатель неправильно применяет нормы и правила русского языка или же использует неправильную юридическую терминологию [11, с. 15]. Таким образом, из-за недостатков юридической техники допускаются смысловые противоречия между буквальным толкованием формулировки и изначально вкладываемым законодателем в норму смыслом.

Данная классификация в смысловом плане идентична разделению пробелов в праве на абсолютные и относительные, где в первую группу входят пробелы, возникающие по причине полного отсутствия необходимых для разрешения спорного вопроса норм, а во вторую — пробелы, причиной появления которых становится недостаток определенной узконаправленной нормы (хотя общие правила регулирования наличествуют).

Сторонником широкого подхода к пониманию пробелов в праве является С. И. Вильнянский, разделявший причины существования пробельности в правовом регулировании на отсутствие правовой нормы, неполноту нормы и

противоречивость норм [12, с. 34]. Тем не менее сложно согласиться с тем, что, например, противоречивость норм всегда вызывает пробел.

Широту мнений ученых по исследуемому вопросу пробельности в праве подтверждает наличие часто встречающихся авторских терминов, как, например, «правовой вакуум» в работах Д. Н. Рябовой, Ш. Ш. Муцалова [13, с. 157] и др.

Приводя примеры пробельности в праве, следует сказать, что они встречаются в важной социальной сфере общественных отношений по защите прав детей-сирот. Общие современные тенденции всеобщей коммерциализации распространили свое влияние и на данную сферу, стремительно развивается институт «коммерческого родительства», проявляющийся в опекунских семьях, в которые после составления договора представляются в опеку дети, оставшиеся без родительского попечения по причине лишения или ограничения их родительских прав [14, с. 26—28]. Указанные отношения регламентируются Семейным кодексом Российской Федерации, в соответствии с положениями которого осуществляют свою деятельность органы опеки и попечительства.

Главными пробелами в правовом регулировании видится отсутствие эффективной системы контроля за деятельностью органов опеки и попечительства и Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, возможен конфликт интересов, когда руководитель подразделения по делам несовершеннолетних самостоятельно принимает участие в создании акта осмотра жилья ребенка, родителей которого хотят лишить родительских прав, он же составляет соответствующий протокол о правонарушении и, в конце концов, принимает участие в рассмотрении дела на заседании комиссии. Представляется обоснованным предложение доктринеров об обоснованности принятия отдельного нормативного правового акта, регламентирующего работу Комиссии.

Проблемная ситуация, связанная с пробельностью, находит отражение и в спорах из семейных отношений, в частности об оспаривании отцовства при требовании о выплате алиментов, и т. д.

В научно-правовой литературе учеными выдвигаются различные причины возникновения пробелов в праве, некоторые из которых правоведы называют объективными. К их числу относят стремительность появления новых общественных отношений, которые законодатель не успевает урегулировать и многообразие

общественных отношений, в целом. Кроме того, существует множество разных моделей их развития и последующей реализации, при условии, что тяжело заранее предусмотреть, каким образом они будут регулироваться. Тем не менее причина пробела в праве может крыться и в некачественной работе правотворческого органа, что выражается в наличии ряда таких дефектов, как так называемый «правовой идеализм», ситуационный характер правотворчества, решение проблем не в комплексе, а точно, равно как и отсутствие целостности в принятии нормативного правового акта или, наоборот, непринятие в условиях, когда оно было необходимо, а также бессистемность, отсутствие продуманных механизмов реализации и т. д.

Таким образом, причины пробелов в праве могут быть самыми разными. Однако, проанализировав юридическую доктрину, можно прийти к выводу о том, что пробелы в правовом регулировании наиболее распространены в сферах человеческой деятельности, возникших относительно не давно и не сформировавших устойчивых правил действия и поведения, в целом. Ярчайшим примером подобного является категория искусственный интеллект, которую нельзя считать новеллой, если рассматривать сквозь призму технических наук, однако, в юриспруденции она не является в достаточной степени разработанной и досконально исследованной. Искусственный интеллект и отдельные связанные с ним вопросы являются объектом рассмотрения в информационном праве, особенно в аспекте информационной безопасности. Искусственный интеллект должен быть объектом конституционно-правового регулирования, однако, по вполне логичным причинам, данный термин отсутствует в тексте основного закона государства. Доктринеры выдвигают самые разные подходы к рассмотрению искусственного интеллекта. В научно-правовой литературе учеными выдвигаются различные определения, например, в работе М. А. Липчанской, встречается понятие «система искусственного интеллекта», которую ученый определяет «как компьютерную систему, состоящую из алгоритмов — программ для электронных вычислительных машин, баз данных и аппаратного обеспечения, которые работают на основе технологий искусственного интеллекта» [15, с. 79].

Несмотря на то, что термин «искусственный интеллект» отсутствует в тексте Конституции Российской Федерации, это не означает, что данная сфера не интересует государство или что она лежит вне пределов правового

регулирования — вопросы формирования цифровой экономики и развития искусственного интеллекта поднимаются во многих документах, носящих стратегический характер. Знаковым актом является Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [16], утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642, где развитие технологий, связанных с машинным обучением и созданием систем искусственного интеллекта, указывается как направление развития, заключающая в себе огромный потенциал, с чем нельзя не согласиться. Схожие тенденции прослеживаются и в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 [17], где дается легальное определение искусственного интеллекта. Таким образом, пробел в праве в виде отсутствия определения термина преодолен Указом Президента Российской Федерации. Однако вполне естественно, что дача легального толкования такой новой для права категории, не может исправить всех пробелов правовой регламентации общественных отношений. Можно взглянуть, например, на сферу труда. Трудовой кодекс Российской Федерации не содержит положений, регулирующих процесс использования искусственного интеллекта. Тем не менее он имеет косвенную связь с положениями статьи 74 Трудового кодекса Российской Федерации, посредством которой законодатель регулирует изменение определенных сторонами условий трудового договора из-за такой причины, как изменение организационных или технологических условий труда [18]. Развитие малоизученной категории «искусственный интеллект» может лишить работника гарантий того, что в случае внедрения в трудовой процесс указанного комплекса технических решений, трудовая функция работника будет сохранена, как того требует законодательство. Также не очевидна взаимосвязь искусственного интеллекта с имеющимися в Трудовом кодексе Российской Федерации понятиями механизмов, машин, технологических процессов, что требует законодательной конкретизации термина в контексте трудовых отношений. Законодательно не регламентированы возможности использования искусственного интеллекта для сбора и обработки персональных данных, например, в сфере оказания медицинской помощи, где нейронные сети могли бы исследовать базу медицинских данных и т. д.

Несомненно, развитие технологий, в том числе искусственного интеллекта, не могло не повлиять на изменение общественных отношений, поэтому текущее правовое регулирование должно также изменяться соответственно нуждам и требованиям времени. Сложно спорить с тем фактом, что постоянно появляются и развиваются все новые и новые общественные отношения, входящие в рамки правового регулирования, которые должны быть, но в настоящее время просто не могут быть урегулированы правом в достаточном объеме, что является серьезнейшей проблемой в сфере пробельности.

Из примеров пробелов, приводимых в научно-правовой доктрине, становится ясно, что некоторые ученые под пробелом в праве понимают, в том числе, нечеткость формулировки, как, например, «незамедлительное уведомление», не имеющее четко определенных временных рамок, или же норму с недостатками. Думается, с данной точкой зрения следует согласиться.

Для констатации факта наличия пробела достаточно наличия ряда признаков, к которым доктринеры относят следующие: общественные отношения лежат в области правового регулирования, сами общественные отношения не регулируются существующими нормами законодательства, при том, что они объективно нуждаются в правовом регулировании. Некоторые ученые также относят сюда признаки наличия нормы, регулирующей конкретные общественные отношения, но содержание в ней дефектов в виде неполноты или наличия противоречий с другими нормами.

В огромной массе самых разных подходов к пониманию законодательного пробела, следует придерживаться трактовки термина пробел в праве в аутентичном определении компетентного органа — Конституционного Суда Российской Федерации.

Таким образом, очевидно, что в юридической доктрине отсутствует единый подход к понятию пробела в праве, законодательному пробелу или иным категориям, фигурирующим в научно-правовой литературе, как синонимичные. Проанализировав различные определения, можно выделить ключевые признаки, обычно перечисляемые доктринерами, главным из которых, несомненно, является недостаточность правового регулирования. Отметим, что в большинстве своем в научно-правовой литературе при рассмотрении способов преодоления пробелов в праве господствуют мнения о предпочтительности позиций позитивизма, а также школы естественного права.

Список источников

1. Васильковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997.
2. Авакьян С. А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 4—12.
3. Азархин А. В. Правотворческие ошибки как источник возникновения или усиления рисков // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. № 4. С. 8—13.
4. Скворцова Г. Н. Законодательные пробелы и способы их устранения // Марийский юридический вестник. 2016. № 1 (16). С. 99—101.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (с изменен. и доп. от 4 августа 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 1, ст. 16.
6. Лазарев В. В. Вопросы происхождения пробелов в праве // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1967. № 1. С. 55—61.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 24 сентября 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
8. Кечекьян С. Ф. О толковании законов судом // Право и жизнь. 1928. Кн. 1.
9. Безруков А. В. Обеспечение правопорядка органами конституционного правосудия в России (на примере выявления, преодоления и устранения пробелов в праве) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 60—65.
10. Кулинич А. П. Причины возникновения пробелов в праве // Научная мысль Кавказа. 2012. № 1 (69). С. 33—40.
11. Спектор Е. И. Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 21 с.
12. Вильнянский С. И. Толкование и применение гражданско-правовых норм // Методические материалы ВЮЗИ. М., 1948. С. 34—61.
13. Муцалов Ш. Ш., Идилов Ш. К. Теоретические аспекты понятия пробелов в праве // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 7 (97). С. 156—159.
14. Хамитова Г. М., Абдикеев В. Р. Пробелы в законодательстве Российской Федерации, регламентирующем защиту прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социальное и пенсионное право. 2020. № 1. С. 26—28.
15. Липчанская М. А., Заметина Т. В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 77—96.
16. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (с изм. и доп. от 15 мар-

та 2021 г.): указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2016 года № 642 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49, ст. 6887.

17. О Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946> (дата обращения: 10.10.2022).

18. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 7 октября 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 1.

References

1. Vaskovsky E. V. Guide to the interpretation and application of laws. Moscow, 1997. (In Russ.)

2. Avakyan S. A. Gaps and defects in constitutional law and ways to eliminate them. *Constitutional and municipal law*, 2007, no. 8, pp. 4—12. (In Russ.)

3. Azarkhin A. V. Law-making mistakes as a source of occurrence or intensification of risks. *Bulletin of the Volga University V. N. Tatishchev*, 2018, no. 4, pp. 8—13. (In Russ.)

4. Skvortsova G. N. Legislative gaps and ways to eliminate them. *Mariyskiy legal bulletin*, 2016, no. 1 (16), pp. 99—101. (In Russ.)

5. Family Code of the Russian Federation no. 223-FZ of December 29, 1995 (as amended and supplemented of April 8, 2022) *Collection of legislative acts of the RF*, 1995, no. 1, art. 16. (In Russ.)

6. Lazarev V. V. Questions of the origin of gaps in law. *Bulletin of the Moscow University. Series "Right"*, 1967, no. 1, pp. 55—61. (In Russ.)

7. The Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended and supplemented of September 24, 2022). *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)

8. Kechekyan S. F. On the interpretation of laws by the court. *Law and Life*, 1928, Book 1. (In Russ.)

9. Bezrukov A. V. Ensuring law and order by constitutional justice bodies in Russia (on the example of identifying, overcoming and eliminating gaps in law). *Constitutional and municipal law*, 2018, no. 2, pp. 60—65. (In Russ.)

10. Kulinich A. P. Causes of gaps in law. *Scientific Thought of the Caucasus*, 2012, no. 1 (69), pp. 33—40. (In Russ.)

11. Spector E. I. Gaps in legislation and ways to overcome them. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2003. 21 p. (In Russ.)

12. Vilnyansky S. I. Interpretation and application of civil law norms. Methodical materials of VYUZI. Moscow, 1994. Pp. 34—61. (In Russ.)

13. Mutsalov Sh. Sh., Idilov Sh. K. Theoretical aspects of the concept of gaps in law. *International Research Journal*, 2020, no. 7 (97), pp. 156—159. (In Russ.)

14. Khamitova G. M., Abdikeev V. R. Gaps in the legislation of the Russian Federation regulating the protection of the rights of orphans and children left without parental care. *Social and pension law*, 2020, no. 1, pp. 26—28. (In Russ.)

15. Lipchanskaya M. A., Zametina T. V. Social rights of citizens in the context of the use of artificial intelligence: legal foundations and gaps in legislative regulation in Russia. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 11, pp. 77—96. (In Russ.)

16. On the Strategy for the Scientific and Technological Development of the Russian Federation (as amended and supplemented of March 15, 2021): decree of the President of the Russian Federation no. 642 of February 1, 2016. *Collection of legislative acts of the RF*, 2016, no. 49, art. 6887. (In Russ.)

17. On the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030: decree of the President of the Russian Federation no. 490 of October 10, 2019. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946> (accessed 10.10.2022). (In Russ.)

18. Labor Code of the Russian Federation no. 197-FZ of December 30, 2001 (as amended and supplemented of October 7, 2022). *Collection of legislative acts of the RF*, 2001, no. 1. (In Russ.)

Информация об авторе

С. В. Горбачева — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. V. Gorbacheva — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.10.2022; одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 17.10.2022; approved after reviewing 17.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.